

ЛАБЫТНАНГИ
КРАСНЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2018

ЛАБЫТНАНГИ

КРАСНЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.161.1-1(081)

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

Л12

Лабытнанги. Чёрный альбом. ISBN 978-5-4462-0095-5. СПб., 2017. 112 с.

Лабытнанги. Белый альбом. ISBN 978-5-4462-0082-5. СПб., 2016. 108 с.

ISBN 978-5-4462-0111-2

АПОКРИФ

А. В.

Апокрифов слова — как грамота китайская:
немногие прочтут, вникая в смысл и суть.
Твердеет голова, в тоске душа скитается
от тягостных потуг понять иной талмуд.

Не стоит тосковать, ломать в напряге голову:
уныние — прощай, и здравствуй — новый путь!
Вопросы — трын-трава, когда читаешь смолоду
отваренную в хлам подонцевую муть.

Зачем тогда страдать и тратить силы попусту,
нести в себе огонь, сжигающий дотла,
Евтерпу призывать? Но нет печальней повести —
слеза не прошибёт бронь чёрствости и зла!

Ещё горит свеча во мраке безнадёжности!
Неяркий тихий свет — последний тайный знак.
Спасение встречай и провожай условности,
которым счёту нет, и в счёте этом — мрак!

О, бесконечный ряд сошедших в бездну вечности!
Мечты и их слова! И я — не одинок!
У будущего взгляд скользит по книгам
с нежностью —
я посвящаю вам об этом пару строк.

АПОФЕОЗ

Нас всех уволят! Не стыдящиеся краски
без промедленья выпустят приказ.
Дверь заколотят досками крест-накрест,
отключат свет и перекроют газ.

Никто не даст нам, нищим, избавленья!
Мы соберёмся и пойдём в лабаз.
Как говорил нам вождь — товарищ Ленин:
Есть логика в движеньи тёмных масс!

Без комиссаров, без знамён и барабанов,
без звонких песен (всё ж не балаган)
наш небольшой отрядик ветеранов
неспешно разойдётся по домам.

Не будет воплей-гиков в дебрях интернета
и писков жалких в строчках новостей,
и не зажгут огонь героям неизвестным,
отдавшим жизнь за сотни три статей.

Перекрестившись, бог переведёт дыханье
и скажет: Слава богу, наконец,
нет этих атеистов больше! Не воспрянут!
Райком закрыт! Я снова на коне!

АРАХНА ИНТЕРНЕТА

В сетевой паутине, во тьме новой жизни,
виртуально, как белка, кручусь в колесе.
Наносветодиоды сигналият отчизне
мой wireless'ный привет —
твой high-speed'ный ответ.

По контактам несутся шмелём sms'ки,
а facebook'и буквально об table'ы стучат.
Ты на smile'ик ответишь «ОК» по-английски,
но пропал я, навеки засосанный в chat!

Я в real'е тебя никогда не увижу!
Никогда не забудешь ты мой avatar!
И несётся мой twitter в livejournal'ву жижу —
никуда не уйти: internet — минотавр!

Лабиринт блоком blog'ов обалаганен,
ариадная нить запаучена в сеть,
и хохочет Арахна с кривыми мозгами,
как щебечет народ на короткой петле.

АРХИТЕКТУРА

Б. К.

Убийцы и архитекторы всегда
возвращаются на место преступ-
ления.

Питер Устинов

Фараоны рекламировали себя
при помощи пирамид.

Рамон Гомес де ла Серна

Год за годом, год за годом —
минотавры правят миром,
фараоня выси горкой,
рвут пространство пирамиды.

На Манхеттене в Нью-Йорке
небоскрёбы — как бутылки
после удалой попойки
на столе стоят вразбивку.

Век за веком, век за веком
люди бьются с минотавром,
неразрывной нитью с предком,
вечный бой ведут кровавый.

Метр за метром, метр за метром,
не сдавая пяди малой,
память железобетоном
отбивает каждый камень.

Шаг за шагом, шаг за шагом —
в лабиринт сырых проспектов.
Помоги мне, Ариадна,
из темницы выйти к свету!

Дом за домом, дом за домом...
В каждом доме — люди, судьбы.
Эвритмия жизни — город,
мой привет тебе — Витрувий!

Мой привет тебе — потомок!
Город — гордость человека!
Шаг за шагом, дом за домом,
год за годом, век за веком!

БАБЛО

Напрасно ставишь на «бабло»:
«бабло» уходит безвозвратно.
Поставь на веру в суть таланта,
хотя придётся тяжело.
Талант не принесёт «бабла»,
но порождает счастье в жизни,
и нет уверенности чище,
чем той — сжигающей дотла.
Какая польза от тебя,
когда в башке дворцы и яхты?
О, нищета твоей зарплаты
и тяга страстная к рублям:
она не стоит ни копыя
и вечно будет маловата!

БДЯЩИМ

Не бдите обо мне, когда меня не бдите!
За бдение твоё воздастся всем и вся!
Ну, а тебе в Кремле на твой невзрачный китель
пришпилится звезда, горя и голоса.

И некто, словно бог, смущённо улыбаясь,
направит добрый взор и спросит: Как дела?
А ты, душа моя, взлетая Первомаем,
целуешь «триколор» в двуглавии орла.

И так легко в груди! И сердце бьётся ровно
под золотой звездой, бликующей в лучах!
И дела нет до тех — безликих непокорных,
которых ты забдел и зарубил сплеча.

БЕРЕГ

Кто только не стоял на этих жутких берегах,
надеясь на смягчение приговора,
пытаясь на прокуренных волнах
найти в душе тлетворную покорность?

Но не спасёт та горькая волна
и не согреет камень парапета,
ты огребёшь грядущее сполна —
есть города, где не бывает лета.

И в этом городе не будет ничего —
одна тысячелетняя блокада,
но странное дыхание его
так ослепительно, что ничего не надо.

И для того, чтоб стать совсем другим,
притягивая мрачность, как магнитом,
остановиться и остаться с ним
ещё одним отчаяньем гранитным.

БЛЮЗ ДОЖДЕЙ

Блюз дождей, грустных дней. Блюз пустых площадей.
Блюз печали моей. Блюз несчастных людей.

Сколько дней, сколько лет я за ней без надежд.
Мотыльком в яркий свет. Один миг — и привет!

Серый день. Ночь — как тень. Глупо всё. Всё — не так.
Заплутала судьба, притащила в кабак.

Лечь на дно. Как бревно. Не хочу. Не дано.
Даже если тоска. Всё давно решено.

Весь промок. Не беда. Одинок. Как всегда!
Вечность — тьма, жизнь — тюрьма, и любовь — как игла.

Всё пройдет. С яблонь — дым. Отряхнёт время пыль.
Ляжет в ноль моя боль — зацветёт Чернобыль.

Мой дружок — голубок, сизокрылый чудак.
Крошек ждёт возле ног — не дожждётся никак.

Я бы взял — полетел. Но, увы, не судьба!
Мы летаем во сне, наяву — никогда!

Пусть года, как вода, утекут без следа.
В никуда поезда убегут навсегда.

Ты не жди, что дожди смоют грусть и печаль.
Все пути впереди — беспросветная даль.

В ТРОЮ

Была объявлена война.
Как быстро все собрались!
Прощай, жена, семья,
голодная страна!
Ставь парус поскорей!
Мы будем все герои!
Нам нечего терять!
Нас некому жалеть!

Мы слишком сильно,
слишком сильно
рвались в Трою!
Мы слишком сильно
рвались,
чтобы умереть!

ВЕСНА

Я рад, что приходит весна! Мне так надоела зима!
И я полагаю, зиме надоело — себе надоела она.
Всем хочется света, тепла и нежной безумной любви —
не только коты размышляют о кошках и песни слагают
свои!

Мой город — забытый корабль, затёртый судьбою
во льдах.
Матросы ломали ломами торосы с улыбкой
на нервных губах.
Блокаду порвать нелегко, но правда всегда победит.
Я знаю, река к чертям унесёт весь хлам, растерев
о гранит.

Кораблик, надуй паруса и в море скорей выходи.
Мы выбросим за борт тупых капитанов, поверь —
всё ещё впереди!
Команда, держись веселей! Не стоит грустить о былом.
Я рад, что опять к нам приходит весна и, значит,
мы дальше живём!

Тёплый ветер, не гони меня домой —
добрый вечер обещает выходной!
Сотни мрачных дней — забывай скорей.
Есть надежда на свободу — будем с ней!

ВЕЧЕРНИЙ ВИЗИТ К ГОСПОДИНУ А

А. Ш.

Давай расслабимся? Давай хлебнём винца?
Какие наши годы, в самом деле?
В конце концов, для глупого конца
должно найтись, по крайней мере, тело!

Но тела — нет. Есть только ты и я.
Хотя физически мы обладаем телом,
но всё-таки не тем, с чем, честно говоря,
приятно заниматься между делом.

Поэтому бесцельно пьём вино
и обсуждаем то, что непотребно
для нас сейчас, и что погребено
в кромешной тьме сгустившегося неба.

Наш путь — во мраке, стёршем Вавилон,
скалой стоявшим непоколебимо,
но башня рухнула и Вавилон сровнён
с землёй «под ноль» не богом,
но бульдозером галимым.

Не дым Отечества, но безусловно — гарь
мне выедаёт глаз, скользящий по проспекту,
и перспективы искажает грань
кривого зеркала раздавленного лета.

Нас вывезла кривая! Но куда?
Хотя пространство наше и не изменилось,
но что-то изменилось навсегда
и не окажет нам ту божескую милость,

в которой было всё. И, впрочем, ничего.
И что же нам, безумным, так недоставало?
Гипотетически — что ждать от нищего
сознания, которому всё мало, мало, мало?

И мы пришли туда, куда пришли...
А я пришёл к тебе, как дева, непорочный.
Поскольку тела нет — не брешут кобели
и только горько воют на Луну, как волки, ночью.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

В. С.

Во славу бряцая заржавленным мечом,
из стойла вывожу заезженную клячу.
Кольчужка — коротка, но крепкое — плечо!
Так пожелайте мне в пути моём — удачи!

Отечество моё — в опасности лихой!
Раскинуты шатры на вражеском кургане.
У них — ни чести нет, ни совести людской,
сермяжный интерес их долларово знамя.

И кровь течёт рекой по всей одной шестой,
моей расхристанной и проданной державе.
Отравленной стрелой народ испорчен мой,
но лучше пасть в бою, чем пировать с врагами!

Единственным путём — через огонь и смрад,
надеясь и любя, страдая и жалея!
К товарищам своим я обращаю взгляд,
о прошлом — не скорбя и в будущее — веря!

ВОСТОК

И. Н.

Как ты там, дорогой? Бьёшься в гиблых песках?
Засосало по пояс? Или, может, повыше?
Как вопят муэдзины на длинных шестах,
обращаясь к аллаху, но он — не услышит!

Караваны бредут, волоча инвентарь,
их зовут миражи — деньги, бабы с любовью!
Неизменен песочных часов календарь,
и песка предостаточно — сыпь на здоровье!

Все восточные сказки о счастье — туфта!
Алладины бессмысленно трут свои лампы,
на вселенском базаре царит суета,
убивая остатки мозгов и таланта.

Выше крыши горит где-то в небе звезда,
но достигнуть её никому не удастся,
и поэтому песня зурны так нудна,
что повеситься хочется, милые братцы!

ВРЕМЯ НА МЕСТО РАССТАВИТ ВСЁ

С.Н.

Время на место расставит всё.
Всё правильно. Все — от винта!
Никто не забыт! Под вечным огнём
не подведена черта.

Время на место расставит всё.
Я поднимаю свой флаг!
Свобода не в статуе белой живёт.
Врагу не сдаётся «Варяг»!

Время на место расставит всё.
Там, где погиб поэт
народ соберётся и песню споёт,
и сволочи скажет: Нет!

Время на место расставит всё.
Вытащат прах из стены,
развеют по ветру. Пыль унесёт.
Все перед законом равны.

Время на место расставит всё.
Другие за нами придут:
храмы построят в сердце своём,
и Рубикон перейдут.

Время на место расставит всё.
Но что-то ты должен сам.
Так не теряйся — время не ждёт!
С богом! Все — по местам!

ГОРЕЧЬ

В чём дело, собственно? Ах, вот оно... И что?
Да мир плевал вообще на это пепелище!
Ты — вроде парень не плохой, я ж вижу, что не «чмо»,
пойдём — возьмём пивка! Что здесь стоять, дружище?

Конечно, гады! Кто же спорит? Я и сам:
бывает, так и хочется подлюге врезать в рыло!
Но он же, сволочь, позовёт на помощь всякий хлам:
ментов, прокуратуру, и тебе — могила!

Он мне о чём-то говорил потом ещё:
как у него сожгли в Твери родную хату,
как «кинули» друзья с деньгами, как он взял расчёт,
и чтобы все пошли туда-то и туда-то...

Да я пошёл бы с ним, но пепел горло жёг —
вот и стоял столбом, с горячими глазами,
не понимая, где же этот наш всеильный бог,
и почему так подло поступают с нами?

Неслись по улицам спешащие авто,
и люди, как в флешмобе, двигались куда-то.
В чём дело, собственно? Всем — до большой звезды!

Никто

знать не хотел и горечь разделить утраты.

ДАЛЬНИЕ БЕРЕГА

И. С.

На этих дальних берегах,
от океана в двух шагах,
в просторах белых потеряемся в бегах.
На этих дальних берегах
вершины — в горных хрусталях,
и вечность гордая — в ногах,
застыла — в снах.

Играть свободой в руках,
забыть о городах, долгах,
деньгах, обидах, глупостях, врагах,
и вычеркнуть дурацкий страх,
засевший на века в мозгах —
вновь оказаться на бобах,
и это — крах!

На этих дальних берегах
ты сам себе бог и аллах —
как в витражах, живёшь на небе — в миражах.
На этих дальних берегах
пропасть навек в снегах-волнах,
в таёжных соснах — как в мехах —
на соболях.

Без устали летать,
как ветер в облаках,
мечтать о песнях и стихах,
и видеть звёздный блеск
в твоих шальных глазах
на этих дальних берегах!

ДАЛЬШЕ

Нет никакого прогрессивного процесса,
и нет науки — извращённой, жалкой фальши.
Есть только жизнь — летящая по рельсам,
стремящаяся дальше, дальше, дальше.

Нет никакой загробной райской жизни,
и ада нет с котлами и чертями.
Есть только смерть — неотвратимая, без смысла,
косящая народ очередями.

Нет никакого в мире золотого счастья,
наивно — верить и надеяться на бога.
Есть только цель — зовущая неясно,
и от порога скатертью дорога.

Поэты созерцательны, как будды,
и дефективны в одиночестве злосчастном.
Есть только тени, разжигающие чудо,
и их слова, что были не напрасны.

И их любовь — наперекор столетьям,
политикам и меркантильным, жадным маршам,
к тому, кто катится, как колобок, по нетям,
без остановки — дальше, дальше, дальше.

ДВОРЦОВАЯ ЛЮБОВЬ

А. А.

Дворец надменно золотой
мог поразить воображенье
всех утомлённых нищетой
и постоянным униженьем.

Сияя в тишине небес
волшебным куличом пасхальным,
в лорнет стеклованных бельмес
бесцеремонно наблюдая

за мельтешащею толпой,
что в восхищении балдеет,
дворец, воистину Большой,
изжелтовиделся в безделье.

И всё же чей-то нежный взгляд
порхал влюблённо в колоннадах...
И в том Амур не виноват,
что так любви престранны взгляды!

ДЕНЬ И НОЧЬ

Мой смех — не смех, а жуткий ужас
и боль за тех,

кто очень близок и очень нужен.
Дороже всех.

Ум не справляется с сердцебиеньем.
Кошмар и тьма

ложатся ночью на сновиденья.
Прошу Тебя!

Храни нас грешных, детей нездешних
безгрешных мест

от душегубов и прочих леших
возникших без

небесной связи с воздушным миром,
где всё — любовь,

где нет измены и нет мундира
для подлых слов.

И если нужно — возьми, что хочешь,
что есть во мне!

И если хочешь — с последней ночью
в последнем дне!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДИЗАЙНЕРА

Е. Е.

Я — дизайнер. Работа — с утра до темна!
Мне б твои «развлекухи», что сводят с ума!
В день рождения тоже — работа одна!
До чего же достала! До самого дна!

Я встаю — чисто зомби в 5:30 утра.
Прихожу на работу через час-полтора.
А начальница-кобра аспидно-бодра,
будто чёрт ей не брат и Яга — не сестра.

Говорит: Ермолаева! Поздно пришла!
Расскажите, как с выставкой нашей дела?
Я включаю компьютер и мышью ползу,
нажимаю на пипку с названием «zoom».

Зря нажала! Программа зависла вконец,
на экране возник президент — наш отец!
Ну и зычно на офис несёт, что меня
назначает директором с этого дня.

Потому что у нас дни рожденья близки,
потому что задачи страны велики,
потому что меня уважает народ,
потому что красивая женщина, вот!

У начальницы, вижу, вспотели очки!
Только стрелка часов, словно молот, стучит.
Я решила, что шутка — и та не по мне:
программисты у нас не здоровы вполне...

Только дверь открывается, словно во сне,
и в костюмчике входит сам Путин Ве Ве!
Мне вручает букет офигенных цветов,
и на стол — пузырьрёк итальянских духов!

Сцена, надо сказать, умереть и не встать!
Быть не может такого, етит-твою-мать!
Оказалось потом, что артиста нашли,
маска, грим, то да сё, жигули-сомали...

Я — дизайнер. Работа: с утра — до темна!
Никаких развлечений! Предупреждена!

ДЖУНГЛИ

В каменных джунглях нет друга.
Лишнее это! Куча проблем!
Носятся люди упруго,
бодро и гордо — радостно всем!
В шумной толпе одиноко —
некому руку пожать!
Люди совсем не жестоки —
им на других наплевать.

Мечутся люди по кругу —
деньги, машинки, дачки, дела.
Пляжик с песочком на юге —
мне хорошо! Всё — трын-трава!
В случае злых катаклизмов
траур объявит страна.
Маленькая аневризма
завтра уже не видна.

В каменных джунглях нет счастья.
Вместо любви — точный расчёт.
Касса по первому классу!
Чек на мечту — и вам повезёт!
Несокрушима в бензине
техника круче коня —
радость дебильна кретина,
а человеку — петля.

Джунгли сердец безучастных,
скал равнодушных с чѣрстой душой!
Я понимаю, напрасно
биться о них своею башкой!

В шумной толпе одиноко —
некому руку пожать!
Люди совсем не жестоки —
им на других наплевать.

ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ

В. Г.

Возьми-ка, Гарри, свою чёрную гитару!
Хоть ты и падаль, Гарри,— я тебя люблю!
Наш якорь брошен на Тортуге в баре,
сыграй мне песню, Гарри, про любовь мою!

Моя мулатка-шоколадка стонет сладко,
но не со мной теперь швартуется она.
Пирату море — тёплая кровать,
пирату море — безупречная жена.

Налей, сеньора, всем по капле рома,
но только брома в ром не подливай!
Промочим горло, чтоб во время шторма
нас Дейви Джонс не брал в свой светлый рай!

Возьми-ка, дурень, старый жёлтый бубен!
Как пусто в трюме и мы снова на мели!
Прими ещё на борт — и здоровы будем,
и все пиастры разменяем на рубли!

Налей-ка, Фредди, нам маленько бренди,
пока не сбрендил наш безумный капитан!
Пора сниматься с якоря, а то на рее
нас вздёрнут всех, как крыс, под барабан!

Джентльмен удачи никогда не плачет!
А если плачет, значит, он — не джентльмен.
Всё в этой жизни быть могло совсем иначе.
Совсем иначе! Только не совсем.

ДОЛЖНО БЫТЬ ТЕПЛЕЙ

Должно быть теплей, чтоб пойти по рукам,
тоску не водой заливая,
и больше не строить спасительный храм —
его не построишь, я знаю.

Должно быть теплей. В бестелесном тепле
безручно, безгубно, безлюбно.
О, как многочисленна каста людей,
с которыми встречи безлюдны!

Должно быть теплей в полумёртвой весне.
Но, впрочем, чему удивляться?
В осадочной гуще на пасмурном дне
незримы следы тунеядца.

Должно быть теплей. Слышишь, птички поют.
Должно ж что-нибудь измениться?
А снег, словно саван, ложится на труп
под знаменем Аустерлица.

ДОМИНАНТНЫЕ САМЦЫ

Самцы-доминанты пошли в кабинеты
и экстравагантно надели кастеты.

Затем улыбнулись улыбкой акулы,
у пушки, не тужась, прочистили дуло.

Звериной походкой направились к тачке
и чёрной подлодкой поплыли без качки.

И в центре три пули всадили умело
в незащищённое недоминантное тело.

Самцы-доминанты — большие эстеты:
вернулись обратно и сняли кастеты.

Шеф им отстегнул за наличие талантов,
и мускул не дрогнул в лице доминантов...

ДЯДЯ ВАНЯ

А. П.

Закончен бой. Покой на глупых лицах.
Наш третий Рим исчез, как Китеж-град.
Не пахнет Русью в наших двух столицах,
да и в провинции не пахнет, говорят.

Мессии — нет. И, видимо, не будет.
И вряд ли кто-нибудь уже спасёт.
В безумии увериться нетрудно,
и нету разницы — назад или вперёд.

Ошибка в знаке — как она знакома!
Но что же делать? Надо дальше жить!
О, перемены — жизни переломы,
чем больше дров — тем их труднее погасить.

Предчувствия меня не обманули,
и больше нет надежды у меня:
барахтаемся четверть века в студне —
всё повторяется, всё на круги своя.

Какие ужасы нас ожидают, право!
Как был наивен гениальный взгляд:
по-прежнему несчастлив дядя Ваня,
и вырублен опять к чертям Вишнёвый сад!

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Я — аморальное чудовище,
с которым вы навек обвенчаны,
моё бесценное сокровище —
моя единственная женщина.

Мой ангел белоснежно-шёлковый,
бессмысленностью искалеченный,
стремится к вам, шурша обломками
крылатого недолговечного.

Мой разум омаразмлен знанием
и независимостью кречета,
что осуждается болванами,
с которыми мне делать нечего.

В моём лице сквозит безумие,
бескровие вампирской внешности —
порочное при полнолунии,
развратное до сумасшествия.

Мой гений в ваших светлых спальнях
валяет ванечку божественно
и даже летом бродит в валенках,
убийственно в припадке действия.

Моя душа ужасно грешная,
во всём запуталась беспомощно,
моя единственная женщина —
моё бесценное сокровище.

ЗВЕЗДА

От звонка до звонка,
от гудка до гудка,
от свистка до свистка
он тащил эту жизнь,
обливаясь ночами слезами
и харкая
чёрною кровью;
но устала махать
тяжеленным кайлом
его самая лёгкая в мире рука.
Вот и всё:
роковая звезда —
да и та покосилась
в его изголовье.

ЗИМНЕЕ

О.М.

Возможно, зима — это повод забыться,
смотреть из окна чёрно-белое фото
и чувствовать холод, упавший на лица
убийцей-вампиром в тоске идиота.

Надеюсь, что твой камелёк в эту пору
не так одинок в энтропийном контакте,
и нежно согреет распухшую норку —
квартирку с друзьями, собравшимся как-то.

Пусть всё повторяется в цвете весеннем!
Пусть веточки слабые тянутся к солнцу!
Любовь — безответна, но непобедна —
я думаю так, как должно стихотворцу.

ЗМЕЮШНИЧЕК

Привет, друзья змеиноглазые,
чтоб ваши глазки повылазили!
Гадючкочудные, коброобразные,
гюрзолюбимые, гремучегрязные!
Летите стайками к едреней матери,
не то всех выжгу
плетью лазера!

Ну до чего ко мне вы пристальны,
что пристрелили бы безжалостно,
но я легко уйду от выстрела
с улыбкой нежной, доброй, ласковой.
Пристали вы ко мне по-глистному,
прокравшись крысами,
прикрывшись масками.

Вам никогда не успокоиться,
вы никогда не перебеситесь!
К вам безработица бессонницей
вошла в могилы ваши тесные,
а правда не нужна бессовестным,
чтоб вам повеситься
под лестницей!

ИНВЕРСИЯ РАВНОВЕСИЯ

Всё — тлен. Но что же движет нами?
Стремление к правде и любви,
что мы изобретаем сами
и сами мучаемся с ним?

Куда же деться с болью в сердце?
Куда податься? Как нам жить?
Душа томится, как в темнице,
и нет покоя для души.

И крепче нет оков свободы,
её безжалостных цепей,
и рабства детского народов,
свободных к радости своей.

Привет тебе, второй мессия!
Освободитель всех и вся!
Без счастья мучилась Россия —
теперь вздохнём и ты, и я!

Но что же далее? Кто знает?
Да, знаем же — не в первый раз!
Как Николая мы ругали,
пока не расстреляли нас.

А как любили Михаила!
Но чем закончилась любовь?
Печальным холодом могилы
для заключенных гробов.

Инверсии неутомимы,
и равновесий не ищи!
А, впрочем, в жизни всё — как в жизни:
тюрьма, сума, ад для души!

ИГРА

Разнежиться... Пригреться у тихой, волшебной игры
пушистым котёнком — он тёплый и мягкий. Как ветер
пуститься вдогонку, завязывать ловко узлы мишуры,
и — сбить, передёрнуть, и выглядеть в чёрном цвете.

О, как невозможно потом разгадать, раскусить,
развязать!
Все такты — в бемолях, диезах, бекарах — и перепутаны.
Чью память, как флаги, развесить? И как наказать?
Расстрелять?
За улицы узкие, взгляды случайные, встречи минутные?

Как всё бестолково! Так лепятся к небу дома.
Так снег выпадает в апреле и бесится выюга.
Так мечется рыбка в аквариуме и такова
заснеженность полюсов и геометрия круга.

Наверное, белыми нитками сшиты пространства, века
и многие прочие бесполезные очевидные измерения!
И неизбежна — печаль! И неистребима — тоска!
И правила лучшей игры не придуманы, к сожалению...

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

С. Ш.

Как будто эти трубы — пересохли!
Как будто они могут — пересохнуть?
И мы бежим, как урки, чтоб мы сдохли —
с такими мордами — отвратней, чем у Босха!

В такой денёк не пиво, только — водка!
Чуть запотевшая в графине жидкость!
Давайте, граф, расплещем грусть по сотке!
И думать нечего — не на распутье витязь!

Интеллигенция в хламидах и монадах —
последний день Помпеи в своём роде,
но я люблю её — как нитку Ариадны,
из лабиринта выводящую народы.

Но я люблю её! Я, жалкая частица,
растерянная в жизни безнадёжной,
принадлежащая к таким же странным лицам,
с обветренной неромантичной кожей.

А дураки при власти и с «деньгою»
тупы — как свиньи, обожравшиеся в сало,
хотя не могут «шевелить мозгою»,
но хочется им восхищения и славы!

Войдут в историю — тиранозавром-рексом,
кощеем, карабасом, чикатилой!
Но пусть я к чёрту сгину неизвестным,
чем в Новодевичьем борзеть трёхцветной

глыбой!

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЭТЕССНОЕ

И. А.

Дорогая моя! Вы — пожарище,
фееричный огонь обжигающий!
Вы возникли, как снег освежающий,
и затихли, как группа товарищей
у могилы безвестной на кладбище.

Угнетающий бред сумасшедшего,
в бескорыстии воспевающий
ту, порой, непонятную женщину,
в безответной любви увядающей
и безвременно прозябающей.

Но назло всем воронам закаркавшим,
подкольным змеюкам гадюкиным,
вурдалакам-вампирам подлюкиным,
паразитам в транзите заглоханным,
паукам в непотребстве застуканным,

вы несёте свое брестскокрепкое,
невзирая на жалкие жалобы
вашей жизни в её содержании
и по форме, и в соответствии
с жесточайшими вашими правилами.

Я б стоял возле вас алебардово
и размахивал чем-нибудь яростно,
но не надо вам в леопардовом
обрамлении биться с кокардами
в краснотелости полуправдовом.

КВИНТЭССЕНЦИЯ

И. А.

Твоя реакция, как всплеск эрекции,
мне импонирует, не импотирую,
заимплантирована, запатентована
и опломбирована в квинтэссенцию.

Пусть сотни мальчиков корявым пальчиком
грозят гротесками и грезят грязненьким!
Смотрю с усмешкою на их кинжальчики —
ходите пешками в строю, солдатики!

Пусть врут с три короба и жрут в три горла!
Пусть лезут с мелочью в окошки девичьи!
Любовь — не улица с повадкой курицы,
снимает головы, сжигает до золы!

Как образ женщины, как крик о помощи —
свеча последняя на всю Вселенную!
Сиянье слабое. И — мрак ничтожества!
И — тьма кромешная, как сумасшествие...

КЕНГУРУ

Меня схватили и скрутили поутру,
и отвезли, как урку, в каталажку
за то, что прыгать я не мог, как кенгуру,
и не кричал, что нужно — тут промашка!

Жена стояла и смотрела, как меня
выводят-грузят тёплым на рассвете.
Видать, прикидывала, что ей объяснить
соседям снизу и, конечно, детям.

В квартирке обыск — будто ураган прошёл:
всё разнесли защитнички порядка.
За две секунды написали протокол.
А что искали? Думаю — взрывчатку!

Да я бы мог сказать, что ноги потерял —
ещё в Афгане миной оторвало.
Да, понимаешь, друг, контузило меня...
Вот говорить могу — но очень мало.

Жизнь, собственно, не мёд, как видишь...
Эх, помру —
режим сотрёт, как мелкую букашку,
за то, что прыгать я не мог, как кенгуру,
и не кричал, что нужно — тут промашка!

КОГДА Я МЕЧТАЮ

Когда я мечтаю о всякой фигне,
и мысли текут, словно невиские воды.
О, как хорошо мне на этой волне —
на этой волне бесконечной свободы!

И я не хочу удивительных стран,
волшебных дворцов, ослепительных женщин!
Мне ближе всего сыроватый туман,
квартира на первом и та, с кем обвенчан!

Когда покидает надежда меня
и горькие думы меня наполняют,
умом понимаю, что следует ждать,
но трудно страдать и терпеть, ожидая.

И всё ж не хочу удивительных стран,
волшебных дворцов, ослепительных женщин!
Мне ближе всего сыроватый туман,
квартира на первом и та, с кем обвенчан!

И дело не в том, что люблю я туман,
что скромнен в быту, как церковная крыса,
но я не хочу удивительных стран —
я не нахожу в них особого смысла.

Кораблик мечты рассекает волну,
несут паруса, горизонт догоняя.
Мне в жизни везёт, и я благодарю
за это судьбу и другой не желаю!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Там ветер свищет и флаг полощет,
и граждан гущи, теряя «тыщи»,
хватая вещи в свои ручища,
текут на нашу родную площадь
рекой бурлящей, такой кричащей,
что сносит крышу от голосищей.

У стен молчащих, в домишке тихом
хранятся мощи, как на кладбище!
Душа трепещет летучей мышью:
товарищ Леший утащит в чашу —
раздавят клещи, как жалкий прыщик!
Жизнь будет лучше! И станет чище!

Как гномик в куше, в тоске дремучей,
стою, пропащий, в надежде к счастью,
вообразивший себя с деньжищей,
но кто-то свыше в затылок дышит,
змеёй гремучей мне шепчет: Мальчик!
Пошёл бы на хер ваще, дружище!

На башнях-вышках звенит и блещет!
И кто-то вещей залез на лошадь!
Столы ломаются, треща от пищи!
Но ощущение моё зловеще
дымит пустеющим пепелищем...
Никто не слышит — как плачет нищий!

КРЕМЛЁВСКАЯ БАШНЯ

Л. М.

Я — башня кремлёвская, барышня!
Звездясь, я стою на горе.
Час от часу лупят по клавишам:
до, фа, ми, соль, фа, до, ля, ре...

Я — дырка для члена правительства,
ворота в заоблачный рай!
В различном количестве личности
стремятся сюда через край.

Цари, президенты — мне пофигу!
Меня хрена с два прошибёшь!
Но я б прогулялась с Серёгою,
точнее — с одним из Серёж!

КРИТИЧНОЕ

И. Г.

В твоих глазах застыл вопрос.
В моих глазах — ответа нету.
Твой вздыбившийся паровоз
истёр, наверно, сто колес
беспрецедентно.

Бушует море-океан
в тоске безумия смертельной.
Растягивает мех баян,
и водка капает в стакан,
ей — параллельно.

Я детства — не стыжусь ничуть,
а рожи важные — мне чужды.
Взболтнёшь чуть-чуть — такая муть
поднимется со дна, что жуть
прёт вся наружу!

Себя ты в гуру записал —
и гордокомандорна поступи!
Пусть Дон Гуан плут и нахал,
зато он женщин совращал
молниеносно.

Прок Руста — цессна-самолёт
на площадь Красную садится.
В процессе кончился завод —
без секса сатанел народ
Аустерлица.

Насилуя — не щекоти,
лови la vie, лавандой млея.
С Джордано — здесь не по пути,
лукавое твое «прости» —
от Галилео.

Арист, поверь ты мне, оставь!
Мой Ватсон, ты — элементарен!
Не можешь — не пиши отрав,
их с классиками сопоставь —
не Копенгаген!

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Разделённый не Непрядвой, а неправдой,
берег наш во мраке тих и тёмных —
не слышать ни песни звонкой, ни бравады,
но народ уверен и спокоен.

Резкий ветер шелестит в хоругвях красных.
Наши лица лишены движений.
Что же нам готовит завтра, свет наш ясный?
Станем насмерть — как на бой последний!

На другом же берегу царит веселье.
Там костры до неба, крики, пляски,
пир горой в шатрах и девки страстно млеют,
силиконом вздуты под завязку.

Блеск зловещ на лицах жадных и кровавых —
им подвластны страны, континенты.
Их там — тьма! Как грязи — денег, силы, славы,
холуев наёмных контингенты.

И вершит дела и судьбы на вершине
Красного кургана — ставки грозной —
безобразно-жуткий Молох — карлик хилый
с флагом полосатым и беззвёздным.

Берег левый, берег правый — всё едино,
мы к победе переправы взводим!
Страх нет у нас — сам чёрт не брат дружине!
Смерть — за жизнь, за правду, за свободу!

ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

T.Д.

Ничего из того, что тебе я пишу не является правдой. Может, выдумки, глупые бредни, тоска уходящего лета. Я слонялся по улицам города — мой драндулет
неисправный
отдыхал в гараже без колёс, не имея на выезд билета.

Лето просто сходило с ума — потому что оно уходило.
 Что-то было постыдное в фетишах жалких её
 сладострастных,
 что раскинуты были повсюду — как сеть рыбака
 из акрила —
 чтоб поймать, затащить, изнасиловать в смятой
 любовью кровати.

Я тонул Ермаком, я на дно уходил — тяжелила кольчужка!
О, как было избавиться трудно от ласк, поцелуев
 прощальных!
Торопился уйти поскорей от любовницы — подлая
 шлюшка,
ты изменишь с любым пацаном лишь бы был он
 горячий и наглый!

Но напрасно бежал я к другой — не ждала та меня
ни секунды!
Всё расписано было в её дневнике как в служебном
контракте.
И ушёл её поезд чугунный с широкой улыбкой
паскудной —
и вот это и было прямым отношением к истинной
правде!

ЛЖЕНАУКА

И. Г.

Твоя наивность — поражает!
В науку верить? Это — глупо!
Гвоздём в мозгах копать ржавым,
чтоб оживлять придурков трупы?

И с удивленьем отмечая:
Не получилось! Что за штука?
Возможно, гвоздик слишком ржавый?
Возможно... Но — молчит наука!

Эксперименты ставя нервно,
стремясь из «тьмы» прорваться к «свету»,
вновь долбанёт — и это верно!
Не разорвало б в хлам планету!

Всё порастет быльём говенным
на двести тысяч лет в округе,
но развиваясь современно,
в любую щель засунем руки.

Мы всё загадим и засерим,
и прослезимся всем народом,
когда изменчивые гены
родят для Родины уродов.

К чему бояться метеоров?
Мы сами разнесём всё сразу!
Есть сердце — с пламенным мотором
и умный мозг, забывший разум.

Мы хуже дикой обезьяны —
нет в мире твари бестолковой!
С бозоном носимся, как с манной —
да хиггс с ним, с долбанным бозоном!

Мы хуже всех во всей Вселенной —
нас облетают за парсеки!
Микроскопично мал наш гений —
и кто же хуже человека?

Я задирать тебя не буду,
но ты подумай, в самом деле,
зачем наука — чудо-юдо,
когда поблизости есть тело?

ЛИСТОЧЕК В КЛЕТОЧКУ

В. Г.

Из тетрадки листочек в клеточку
аккуратно я оторву.

Я рисую смешную лодочку,
нарисую — и уплыву.

Уплыву в ту страну далёкую,
пусть её, вероятно, нет.
Небо синее там, высокое
и Святая Дева, и Южный Крест.

Там — бродяги, и там — романтики.

Там глаза, как костры горят.

Там все будни — сплошные праздники.

Это мой дорогой отряд!

И не принято там предательство,
там «закон есть один у нас»,
не нуждается в доказательствах:
если гад — то получишь в глаз.

Я срываю остатки голоса,

мне попасть бы на миг туда

на высокую точку полюса

и остаться там навсегда,

и плевать мне на все правительства,
крохоборов дешёвый свет,
обстоятельства обывательства,
мне по-прежнему — двадцать лет!

Не считаю, что всё потеряно:
вот — мой друг, а вот там — наш враг.
Правда всё победит со временем,
и я верю, что будет так!

Из тетрадки листочек в клеточку
аккуратно я оторву.
Нарисую смешную лодочку,
нарисую — и уплыву!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОКЗАЛ

Да! Всё смешалось в домике Облонских:
балкон Болконского Обломов обломал.
Балкон упал на проходящих мимо Вронских —
никто не ожидал такой трагический финал.

Каренина не стала лезть под поезд.
К тому же поезд так неслабо опоздал.
Зато Раскольников был дьявольски напорист:
как скоростной экспресс, он нёсся рысью
на вокзал.

В то воскресенье на вокзале было шумно,
но вряд ли то его могло остановить —
не «тварь дрожащая», но всё ж неостроумно
заточен был «струмент» и так майданна пруть.

По ходу он в Печорина «впилился»,
не извинившись, разумеется, никак.
Печорин закричал на весь вокзал: Голицын!
Ну а поручику достать ПЗРК — пустяк!

Раскольников расколот — как полено,
и офицеры, развернувшись, шли в буфет.
Болконский с Оболенским наливали вермут,
Печорин и Голицын — по шампанскому в ответ.

Был безутешен только граф Безухов —
он с Каратаевым минуты коротал,
и также был Онегин-dandy — но «под мухой»,
и тут же проходил Телегин в муках —
как Тантал.

А классики в печали от трактовок
стояли молча, поражённые, в тоске...
Настигло русскую литературу горе
и жуть бездарностей, застрявших колом
в дневнике.

ЛИНОР

Я сидел в кафе и страдал с какао.
Скука смертная, тоска — сплин английский.
Ты вошла небрежно с бутылкой виски
и на стол поставила два бокала.

Ты по сто плеснула и закурила.
Ну, давай, приятель, рванём помалу?
Это — как любовь, и пиши — пропало,
и кафе застыло во тьме могильной.

Лишь метались тени на тонких нитях,
обруч жизни нотой звенел кошмарной.
Я же знал, мертва ты, Линор Эдгара,
и безумье это искать в наитье!

ЛОЖНОСТЬ

Ты можешь лгать кому угодно, что угодно — только
не себе!
Наступит новый день. Хотя, скорей всего, то будет утро,
когда проснёшься и увидишь в уголке малюсенькую
тень
иллюзии, что представлялась значимой ещё вчера
как будто.

Я здесь себе легко нафантазировать могу,
как несколько разбуженных случайностью словечек
запрыгают в тебе, подобно зайчикам на скошенном
лугу,
напоминая чем-то пляшущих для Холмса человечков.

Их ручки-ножки неуклюжи и, конечно же, смешны,
но вызывают в голове неповторимую картинку,
что проступает всё уверенней сквозь дым
сознания, спешащего им вслед по мысленной тропинке.

В том нового нет ничего, о чём сообщено тебе:
моё послание старо, как мир, в котором пребываем
так всех обманывающая ты и я — бесперспективный
лицедей,
не стоящий тех поразительно нелепых слов, что
написал я.

ЛУННЫЕ ЛУНКИ

На небе дырка под названием Луна.
В ту лунку закатились многие,
кто, словно клоун в цирке, прыгал дотемна,
стремясь дотронуться до недотрогнутого.

Заглядывая в лунку, видишь зыбкий свет
и думаешь, что видишь что-то светлое.
На самом деле, света никакого нет —
там только каменное тело безответное.

Твоё лицо до бледности мертво
и лунки глаз чернеюще безлунны,
но в них скрывается иное вещество —
твоя любовь — бесценная, безумная!

МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ

Е. М.

Найдите мне маленький остров
в своём мировом океане,
в каком-нибудь жутком норд-осте
среди одиноких ветров,
и мне, сумасшедшему монстру,
прожившему жизнь на диване
вдали от эстрадных помостов,
тот климат не будет суров.

И чтобы туда добираться,
как к полюсу, было б непросто!
И чтоб никаких иностранцев
на берегу не было б том!
Моё дорогое пиратство
стальным пришвартовано тросом,
не может никак отвязаться
и в душу, как в сушу, вросло!

Чтоб только угрюмые скалы
крушили холодные волны,
до нервной дрожи пугали
бегущие вдаль корабли,
но только на этом причале
есть место для всех малахольных,
которым не страшно начало,
и хочется жить и любить!

МЕЧТЫ И СЛОВА

И. К.

Бродяга скитается не потому, что он ищет тепла,
скорей потому, что уже вовлечён он в движение;
скорей потому, что мечта золотая его умерла
и он больше не чувствует силы её притяженья.

В попытке неясной нащупать так трудно другую мечту,
скорей потому, что она, может, необъяснима;
скорей потому, что она ну совсем непохожа на ту,
которую с детства лелеют, называя любимой.

Скорей — потому что у жизни всё нужно скорей
и скорей,
не отвлекаясь на мелочи быта, возраст и веру.
Скорей — потому что нельзя оставаться бездарно
при ней,
ржавая забытым ключом от заколоченной двери.

Возможно, мечта воплотилась в бессмысленном
чувстве «любить»,
пытаясь предохранить подобие постоянства.
Природа, увы, такова — не обмануть и следует быть
здесь — в определённой точке времени и пространства.

Раз так — здесь сойдёмся. Не зря перешеек песочных
часов
рассеет мгновения вечности — вот и расплата!
Остались слова — вечная слава словам и памяти слов.
И постараемся жить. Жить, умудряясь не быть
распатым.

МОЙ ВРАГ

И. Ш.

Мой враг
поднимает флаг.
Несокрушимой стеной
идёт на меня войной.

Я думаю, как же так?
Наверно, совсем дурак —
я ж левой его одной,
я знаю, что он — слабак!

В атаку отправлен танк
и в пушку забит снаряд.
Ну что же, любитель драк,
ты, видимо, горд и рад?

Поставил ты в ряд отряд
зелёных своих солдат.
Стоят они — как на парад!
Я им покажу Сталинград!

Подножка — и враг лежит.
Сдавайся! — ему говорю, —
И если ты хочешь жить,
то маму зови свою!

А он подо мной пищит,
и маму не хочет звать.
Придётся врага простить —
он просто мой младший брат.

МОСТ БЕЗ БЕРЕГОВ

В. Г.

Ветром наполни свои паруса
и отруби якоря.
Грубая истина слишком проста:
смерти — до фонаря!
Не упрекай никого никогда
в том, что, увы, не сбылось.
Точит топор время-палач,
не задавая вопрос.

Жизнь! Жизнь — выше звёзд!
Жизнь — выше богов!
Жизнь — призрачный мост!
Мост без берегов.

Счастье дается глупым скотам.
Мудрым печаль дана.
Храбрые ищут славы туман —
фикция и обман!
Жадные цепко копят деньги,
веря в её торжество,
и за копейку свою перебьют
всех ни за что ни про что.

Я не надеюсь на новых мессий,
ни на безумную власть,
но постараюсь в меру всех сил
как-нибудь здесь не пропасть.
Друг дорогой! Нам подарена жизнь —
значится, нам повезло.
Будем по-честному правильно жить.
Жить, побеждая зло.

Жизнь! Жизнь — выше звёзд!
Жизнь — выше богов!
Жизнь — призрачный мост!
Мост без берегов.

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ

За знак момента кассирских песен,
отбитом чеком в мечтах зелёных,
монументально я стал известен,
как статуй в парке под сенью клёнов.

Сходя на воды с небес мессией,
всех осеняя молитвой чудной,
шепчу заветное одно — «Россия»,
и глупых мыслей свиваю кудри.

Не стой под грузом моих открытий!
Они — нелепы, их смысл — фальшивый,
и в то же время я — многоликий
и многорукий — подобно Шиве.

Я рыболовлю в потоках алчных,
но невод жалок — косяк проходит:
желтеют спинки, сияя злочно,
и в мутных толпах раздели вроде.

Хочу желая, боясь соблазна.
Робею нагло, испуг скрывая.
Свой писк сжимаю в тисках оргазма —
сжигают страсти пожаром мая...

Пробита каска случайной пулей —
врачи бессильны спасти, мой милый!
Как тряпка, знамя висит на стуле,
и дует в щели под клич «мобилы».

НАИВНОЕ

А.Д.

У нас в крови — наивная тетрадь,
скоросшиватели и детские картинки,
и взгляд вращается по кругу, как пластинка,
и заедает в пафосе политики опять.

О, как приятно отвечать на «пять»!
В дневник заносятся хорошие отметки
и поведение примерное, но редко
об этом хочется кому-нибудь узнать.

Мир изменился сильно. Скажешь «мать!»,
открыв страничку в жалком интернете,
но дым отечества глаза мне режет едко,
и эту едкость, вероятно, не унять.

НАС НЕ ЛЮБИТ НИКТО!

Мы попали в капкан этой жизни безумной
и нам никогда не спастись!
Никуда нам не деться!
Никуда нам не деться!
Никуда нам, несчастным, не деться!
Я печально смотрю
в безразличную серую неподвижную высь,
равнодушную к нашим слезам и тоске,
разбивающей глупое сердце.

Нас не любит никто,
так как нам бы хотелось любимыми быть,
и, возможно, никто
(кроме матери разве)
любить нас так верно не будет,
и поэтому дети, рождаясь,— рыдают,
рыдают навзрыд,
потому что даже они понимают,
что они родились с горьким именем
«люди».

Кто в деньгах, кто в вине,
кто в иной кутерьме
ищет счастья, страдая и злясь.
Нам не вырваться из
ограждённого жёсткой колючкой
унылого пошлого круга

в ожидании радостных виз,
разрывающих гадкую связь,
и ликует, смеясь,
извращённая жадностью власть,
и поэтому все мы живём, как уроды,
насилуя и убивая друг друга.

Обречённые жить
в отвратительно едком тлетворном дыму,
на иллюзии собственной веры —
надежды на светлое чудо
полагаемся простосердечно,
и поэтому нас так легко обмануть
и заставить забыть обо всём,
возбуждая пустую мечту,
что мы в крепких руках,
обещающих нам
беспредельную вечность.

НЕЖНОСТЬ

О. Ш.

Ты, как неизбежность,
проклятая нежность!
Дурацкая нежность!
Щемящая нежность!
Ошибка фортуны!
И что-то зловеще
сжимает, как клещи,
и сердце трепещет
ненужною вещью,
растерянной душой!

Становишься — тряпкой!
Становишься — жалким,
бездарной жужжалкой-
бетономешалкой,
как азербайджанка!
Становишься — падким
на женские штучки:
транжиришь получек
последние кучки,
заначку из банка!

Для аристократки:
вино, шоколадки,
духи и помадки,
цветы из палатки —
на все «пятихатки».

С улыбкою сладкой
зубастой косатки
глядит на подарки,
но не «аватарка» —
простая гражданка,

живущая рядом
с измученным взглядом,
растерзана адом
засад «мазо-садо»
семейных раскладов,
в прокуренном мате
на понте Пилата,
в извечной блокаде —
родном Ленинграде,
отравленном ядом.

Не надо награды
и денег не надо!
Как в восьмидесятых —
пройдём вдоль ограды
у Летнего сада,
вдыхая нитраты,
спирты, оксиданты...
Отрава — отрадна,
и мысль — адекватна:
не быть только гадом!

НЕПЕДАГОГИЧЕСКОЕ

М. Ш.

Педагогически неправильно
тебе писать такие мерзости,
но начиная петь «во здравие»,
«за упокой» закончу песню я...

Твоя несущая конструкция
подвержена дефибриляции,
когда ей скажут о преступности,
скрывающейся в недрах нации!

От ужаса всюду рассеявшись
на многоклеточность амёбную,
ты испаряешься — как перекись,
и ждёшь пока тебя не ёкнуло!

То «боинги» в обвале митингом,
то поезда страдают в крекинге,
то бомбы накрывают билдинги,
и в «раздевайсе» — крики петинга!

Срывает ветер крышу ржавую
в пробоину километровую!
Беги, звони скорей пожарному,
дежурному и участковому!

Но тишина в эфире жуткая —
по бункерам всё население
скрывается, валяясь сутками
и предаваясь непотребному.

А я лежу в своём окопчике,
сжимая вяло «трёхлинеечку»,
и думаю: Привет, покойнички!
Забудьте мальчики о девочках!

НОЧЬ

Е. Ж.

Совы охотятся ночью!
Мышек из тёплых норок
тащат на ветки, сучья,
чтоб разорвать их потрох,
чтобы напиться крови
тёплой, с железом ржавым,
чтобы, не дрогнув бровью,
писк подавить кинжалом
острых когтей и клюва!
Тьма так безлунно страшна!
Это — охота круглых
глаз в желтизну опавших!

ОН БЫЛ НЕ ТЕМ

В.В.

Он был совсем не тем, что говорят о нём.
Да и не тем, конечно, что напишут после.
Заброшен-заколочен на отшибе дом,
в котором даже днём горели ярко звёзды.

Хозяин далеко — за тридевять земель.
Он слишком неразумно бороздил пространство,
чтобы попасть туда — куда всегда хотел.
Но как туда попасть? Усилия напрасны.

Играть наверняка — не стоит и играть!
Какая радость — раз краплёная колода?
По правилам играть — в момент всё потерять
и не рассчитывать на возвращенье хода.

Всё могут короли. Всё могут и вальты!
Но короли не переносят панибратства —
накрутят на винты прокрустовы болты,
чтобы не дёргались вальты на цепке рабской.

Безмолвствует народ и как-нибудь живёт —
другие образа, другое поколение...
Он был совсем не тем, что говорят о нём.
И просто нет его сегодня, к сожаленью.

ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

К.Л.

Я купил бы тебя не торгуясь,
но не оптом, а в розницу, что ли?
Оптом — это достойно буржуа:
он всегда на цене экономит.

Из меня — никакой покупатель.
И в товарах я не разбираюсь...
Сколько денег напрасно потратил!
Но признаюсь: ни капли не каюсь!

Если б ты отдалась мне бесплатно,
я б упал пред тобой на колени,
раздирая на тряпочки платье
и швыряя последние пенни.

К сожаленью, я неосторожен,
не изящен, не нежен, не шёлков!
Я купил бы тебя подороже!
Но куплю сигареты. И водку.

ОСЕНЬ

И. А.

Налей палева.
Вдохни курева.
Давай с Калевом
тряхнём шурина!

Плати зеленью
перерубленной —
не верь бляню
блядей с Бруклина.

Не в грязь брошена
скоморошенно —
катись к лешему,
как горошина!

Не все лилии
легли в линию,
тучнея рылами
своей фамилии,

по-крокодилъему
до безобразия
на иле Ниловом
заразой праздною.

Любя Бастилией,
лютуя Летовым,
осень безвилова,
беспистолетова.

ОТВАЛЬНАЯ

О. Ш.

Пой от счастья,
обладая отпуском!
Как балда качайся,
маши ненужным пропуском!

Душа — она как чайка
летит, летит к морю.
А работа — такая жалкая,
лежит бревном у забора.

Мой парус белеет далёко,
в дымке солёной тая.
Конторский пластик окон
очками слепыми моргает.

Завидуйте, бедолаги
с портфелями и сотовыми!
Прощайте, мои бумаги!
Свобода! Свобода! Свобода!

ПАЛЕСТИНА

С. Г.

Заведи сто любовниц, тусуйся, кури и пей
до потери ошмётков памяти — если сможешь!
Обрастёшь весь, как шерстью, толпой дорогих друзей —
собутельников нежных с дефрагментарной рожей.

Становясь одной из прожжённых таких сволочей —
рифмоплётом и словоблудом во всём — и что же?
Знай, дружище, что твой изошрённый словарный клей
бесполезен на ненасытном любовном ложе.

Археолог дощечек берестяных не тебе
посвятит пару строчек с глупостью или ложью.
Получается вроде, что зря ты ел чёрствый хлеб
и в потёмках бегал со свечкой по бездорожью?

Видно, в этих проулочках света на сотню дней,
остальные где-нибудь бродят в пыли дорожной
и тоскуют, вздыхая-охая — как тот еврей,
что искал Палестину в цвете весенней дрожи.

ПАТРИЦИЯМ

Дорогие патриции! Я считаю сестерции, но боюсь, что полицию охватила коррупция. Контрибуции в Турции, коронация в Лации, интервенция в Швеции и волна революции — такова эволюция мира в жалкой инерции! Это всё — контрацепция, недостаток эрекции, эпиляция фикции, интродукция секции, концентрация кальция в механизме секреции, экзекуция фаллоса от любви к импотенции. Толерантность обманчива и ведёт к проституции. Гей-парады озонены на газонах кастрации с целью амбивалентности добиваясь для нации содоморогоморности в мазосадошизации и оргазмогоргонности в параноидизации. Общество охаракирено херувимоподобными, стойко захирোসимнено в керосине мажоровом, моржевея в Мордовии и хирея в Хазарии на хер всё разбазарено, в жопу всё разворовано! Депутация питерцев голосит психбольницами и в наряде газпромовом обезбашенно высится, но аптекохасидная женщина очень видная в ламентации лазерной лузерльдово обиделась. Все немного обделались и напрасно надеялись в первозванности ордена, в первозданности Родины, приготовлена Ироду к непотребству уродина — вот такие аллюзии, судьбоносноэссенции. Я стою, как настурция, без презумпции фасции в девальвации жалости ко всему человечеству, отражая пропорции и акцент конституции в странгуляциях знаковых изоляции вечности.

ПЕРВОКЛАССНОЕ

Э.Б.

В полоску форма чёрно-белая,
и стрижечка — немного наголо...
Учительница моя первая!
О, я люблю тебя — как ангела!

Я тоже в форму полосатую
запарюсь тельцем первоклассовым,
и в паспорт пионервожатую
я пропишу стихом Некрасова!

Мне по статье «десятка» вломлена,
но на свободу с чистой совестью
я выйду жуткой тенью гоблина,
к тому ж тупым до бестолковости!

Режим указкой глазки выколет
и выстроит шеренгой длинною
по росту в дальний путь испытанный
до Магадана — точно в линию.

До Магадана не хотелось бы...
И оболваниться не хочется...
Куда ж податься недострелянным
крестьянинам с обычным отчеством?

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Л.Р.

Время прожитых лет. Время славных свершений.
Всё ушло далеко — не придёт ничего никогда.
Ты вернулся сюда. Хочешь сладких мгновений?
Правда тем хороша, что она хороша иногда.

Так встречай же скорей. Расправляй свои крылья!
В изменившейся жизни другие теперь адреса!
Сказка стала никчёмной обыденной былью.
Сказка тем хороша, что надеется на чудеса.

На иллюзиях мир в тишине отдыхает.
Как приятен мираж! Как противна и жутка беда!
Не забудь, дорогой, в самолётике улетаю,
память тем хороша, что всё лучшее в ней — навсегда.

Мы не станем умней! Никакого сомненья!
Крыша сорвана с башни! Иисус, запускай
перезагруз!
Откровенно беспарочно, без пустых сожалений
я спою для тебя этот блюз.

**ПЕСЕНКА
О ПАТРИОТИЧЕСКОМ
ПЬЯНСТВЕ**

Надрай свой котелок!
Почисти свой башмак!
Ведь пьянство — не порок!
А пьяный — не дурак!

Тот, кто не пьёт — кастрат,
не знающий любви.
Не пережил утрат
в кровавой *c'est la vie!*

Друзей не тесен круг.
Врагам не быть слабей.
Но если рядом друг,
есть повод у друзей!

Давай чуть-чуть нальём,
чтоб не топить в вине
священную любовь
к жене, семье, стране!

Давай чуть-чуть на грудь
возьмём чужую боль!
Пусть будет долгим путь!
Пусть будет трудной роль!

Давай ещё чуть-чуть!
Мой бог, благослови!
Бог даст — и сгинет жуть
в гнилой своей крови!

**ПЕСЕНКА
ПРО ВАВИЛОНСКУЮ
БАШНЮ**

И. К.

Слова, слова, слова...

В. Шекспир

Когда сошла вода потопа,
спустились люди с Арарата.
Все были рады — это что-то!
Народу только маловато.

На радостях плодились быстро
и Землю заселили снова.
Придумали себе министров.
Министры создали законы.

И власть, чтоб люди не страдали
фигнёй по недоразуменью,
решила строить в неба дали
великое столпотворенье.

Зачем же нам Этеменанки?
Вопрос, конечно, интересный.
Но Хаммурапи ставит раком —
и нет дебатов, как известно.

Но катаклизму не прикажешь —
ему плевать на все законы.
И башня рухнула. И даже
накрыла некоторых оных.

От ужаса и от расстройства
смутилось у людей сознание,
забыли папу-маму — просто
одно сплошное наказание!

С тех пор народов — словно грязи,
а грязи — и того тем боле!
Но вылезли из грязи князи,
и начинают всё по-новой!

Власть вечно лепит свои башни
и разрушает связь народов.
И только слово души наши
спасёт и может дать свободу!

ПИСЬМО СЕРОГО ВОЛКА ИВАНУ-ЦАРЕВИЧУ

Иван-царевич! Не забыл меня?
Я верой-правдой, как часы, тебе служил!
Как сказочно-несчастна жизнь моя!
Я постарел, я выбился из сил!

На улицу я выйти не могу.
Ну, никакого нет прохода от косых!
Их стало столько на любом углу,
что даже лисы разбегаются в кусты.

Три поросёнка — просто три свиньи!
Всегда поддатые и вечно пристают!
Вчера у магазина подошли
и отобрали, гады, пенсию мою.

А банда этих семерых козлов
с бандершей, мамой их, — не приведи господь!
Отделают на совесть — будь здоров!
Весь на рогах район от них который год!

Весь бизнес по сусекам колобки
повыскребли, мордовороты! Что с них взять!
А если тявкнешь — вынут кулаки —
не хочешь, а споёшь, чтоб в лоб не получать.

Писал я Красной Шапочке раз семь.
Она теперь такая цаца — будьте на!
Проводит заседания в теремке!
Но до сих пор мне не ответила она...

Пишу тебе! Надеюсь на тебя!
Ведь ты ж у нас — Иван-царевич — как бы бог!
Скажи уж там знакомым медведям...
Товарищ верный твой — тамбовский серый волк.

ПО ТРУБАМ

Жизнь дерьмом течёт по трубам,
без просвета в тёмном царстве!
Трудно быть отменно мудрым,
избежав цепочки рабства.

По коллектору — в отстойник
вместе с прочим населеньем,
перетряхиваясь в стоке
с полным удовлетвореньем.

В заключение высыхая,
достигаешь состоянья
по нулям — в материальном
и в идейном содержаньи.

Свежа поросль восходит,
продолжая течь по трубам:
митинги шумят в народе,
с флагом топя по трупам.

Поделись, Сократ, цикутой!
Плюнем вместе в бренность жизни!
Пара тысяч лет как будто
пронеслись — как миг единый.

Будь ты — конный, будь ты — пеший,
сворачиванный в камень статуй,
всё равно тебе не легче
и не избежать проклятий!

Протекает жизнь по трубам,
напрочь всё смывая в прорву...
Не расстраивайся, глупый!
Плохо, да? Но это — норма!

ПО ТЁМНОЙ РЕКЕ

А. Ф.

Твоя лодка будет скользить, как сон,
по поверхности тёмной реки.
Это только кажется, что легко
расставаться, не сжав руки.

Это только кажется, что плывёшь
вдоль по течению, без дорог.
В тёмных водах назад не повернёшь
и не сможешь плыть поперёк.

Без весла и паруса — всё одно,
и другого не будет тебе.
Возвращения нет и не дано
нам увидеться на земле.

Вот исчезла точка, ушла из глаз,
снаряжает другую Харон.
Я надеюсь, всё же не в этот раз
плыть вдогонку мне за тобой.

ПОВОД ИЛИ СВОЙСТВО

Э.Б.

Они все умерли... А я пока что нет.
Хотя нельзя сказать, что это превосходство.
Скорее, это повод или свойство
случайности по ходу делать след.

Они все умерли... А любопытный взгляд
скользит по плащикам, и курткам, и жакетам,
исследуя в глазах толпы секреты,
и их открытие — ужасно сладкий яд.

Слова в бумагу — как вода в песок.
Ты не найдёшь в них корень первородства.
Скорее, это повод или свойство
существования, не запаасающего впрок.

Слова в бумагу — вся моя любовь
к читающим мои смешные знаки.
Так метят территорию собаки,
поскольку написать не могут слов.

ПОЕЗДА

А.Е.

Это детство бежало по нашим следам
и махало вдогонку платком.

Поезда уходили в далёкую даль,
чтоб уже не вернуться потом.

Нам казалось, вернуться довольно легко —
как за хлебом сходить в магазин.
Оказалось, непросто. И дело не в том,
что находится много причин.

Поезда доставляют конкретно в «туда»,
отправляясь из «А» точно в «Б»,
а не в тот золотой, удивительный край
за обычный плацкартный билет.

На вокзале с оркестром встречали других,
и флажками махала толпа,
и ты топал с другими под радостный гимн
со свободой и верой в глазах.

Телерай обывателей ярок и прост:
даже смерть — это повод шутить.
Но противно смотреть на кривляние «звёзд»
и рекламу умения жить.

И не радостно мне в сумасшедшей стране,
да и мир — виртуальный дурдом.
Тормоза отказали и выбора нет —
продолжаем нестись под уклон.

И приходит печаль в мои детские сны,
и тоска наливает стакан,
а по улицам прыгает «новая жизнь»
и довольно стучит в барабан.

Не вернуться обратно. Уже не мечтай —
и в тупик упирается взгляд...
Поезда уходили в далёкую даль,
чтоб уже не вернуться назад.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

А. Р.

Вот закончились деньги внезапно и вдруг,
и у друзей их нет, и нет у подруг,
да и нет белых крыльев таких, чтоб податься на юг.

Здесь ноябрьский холод враз вызовет дрожь,
не налёт бармен, не истребовав грош,
вот и греюсь дымом одним — как в шалашике
вождь.

Я запутался в тине ползущих дней,
я посажен на цепь социальных сетей,
как еврей, заключённый в колючку концлагерей.

Я раскрасил свой «фейс» зелёной тоской,
на условности быта махнул рукой,
и хозяину резко заметил: Ну, кто ты такой?

Бороздя песок в саду серых камней,
мне не стоит думать напрасно о ней:
вероятно, забыл, отчего она дышит быстрее...

Что ты пишешь, осень, на жёлтых листьях,
каждой буквой внушая мне липкий страх:
Боже, что же будет дальше на этих восьми ветрах?

Я бы сразу об этом сказал тебе, но
моя подводная лодка легла на дно.
Моя подводная лодка не всплывает давно.

ПОЖАЛУЙСТА!

Нас любят иногда из жалости,
из сострадания печальной участи.
Спасибо, милая! Пожалуйста,
дружок, не делай больше глупостей!

Нас любят иногда за шалости,
за чувства шумные и неразумные.
Спасибо, милая! Пожалуйста,
остановись мгновенье чудное!

Чист горизонт без тени паруса.
Нет возвращения и нет спасения.
Спасибо, милый! И, пожалуйста,
порадуй солнцем по-весеннему!

Как холодно! Как мало градусов
и снег по недоразумению.
Спасибо, милый! И, пожалуйста,
развей тоску мою осеннюю!

Слова отправлены без адреса,
летят журавликами-клинами...
Спасибо, милые «пожалуйста»!
Спасибо вам! Спасибо, милые!

ПОЭТ В РОССИИ

Поэт в России — больше, чем поэт!
Но где ему тягаться с президентом!
У президента есть и то, и сё, и это,
и выписанный в рай прижизненный билет.

Поэт в России — больше, чем поэт!
Но всё-таки поменьше, чем министр.
Пусть у министра не вполне всё чисто,
зато отдельный и приличный кабинет.

Поэт в России — больше, чем поэт!
Но не банкир, не офисный работник.
Он не летает в Англию пить кофе,
и счёта в банке у поэта нет!

Поэт в России — больше не поэт!
Он — грузчик, дворник, может, даже — шорник.
Над ним смеётся всякий уголовник
и социально чуждый элемент.

Поэтому скажу тебе, поэт:
Уваливай-ка поскорей в «европы»,
пока тебе здесь не порвали что-то
и не сослали на звезду в один момент!

ПРАВИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

И. А.

Я не пью уже полгода. Я, наверно, завязал.
Пью зелёный чай и воду, и хожу в спортивный зал.
Как дельфин, я рассекаю гладь бассейна по утрам.
Мне жена вчера сказала: Я горжусь тобой, Иван!

Да и как ей не гордиться? Я к тому же не курю.
Я забыл как материться — как профессор говорю.
От элегии экологу отличаю в пять секунд.
Был два раза в синагоге и на опере «Пер Гюнт».

Видел в Лувре «Мону Лизу» под землёю за стеклом.
Видно даже исподнизу, что в душе у ней надлом.
По Манхеттену прошелся раза два — туда-сюда.
Целомудрен — как Иосиф, и наивен — как Балда.

Покатался на гондоле. Залезал на Эверест.
Было, в общем-то, прикольно, правда, дорогой проезд.
Записался в добровольцы — может, полечу на Марс —
соответственно Гельмгольцу, ощущая жизни фарс.

Вник в проблемы мировые — разобрался что к чему.
Понял, как в передовые можно вывести страну.
Слишком много понял, братцы! Лучше б этого не знал!
Взял я водки литров двадцать и приятелей позвал.

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Моя раздражительность нарастает как снежный ком.
Я устал наблюдать извращенческие скачки, меня
изумляет их количество.
Однако неустойчив даже воткнутый в землю
железный лом,
когда протекает по нему сумасшедшее электричество.

Власть и деньги. Деньги и власть —
отвратительнейшая грязь!
И, пожалуй, нет ни одного, хоть в какой-нибудь
степени, не испачканного ею.
Мне всегда и ужасно везло, и я не считаю, что жизнь
моя не удалась,—
я бессмысленно счастлив и рад тому, что я — есть
и чего-то умею!

Человек удивительно туп и слаб, мал
(даже в размерах своего жалкого бытия),
как дитя спросонок стоит, разинув рот, на пороге
нелепой вечности:
ошеломляющий звёздный волшебный свет опускает
его до нуля,
вся энтропия космоса неисправимо возрастает
до бесконечности.

Я не верю ни во всемирный потоп, ни в Иисуса Христа,
ни в святость мощей,
ни в постоянство и нежность любви этих глаз,
затянутых синью.
Есть необходимая связь в случайности
разных событий и разных вещей,
и эта грандиозная случайная необходимость
называется просто — жизнью!

ПРОБЛЕМА С ВНУТРЕННИМИ ОРГАНАМИ

У меня беда с внутренними органами:
не слушаются, со мною спорят.
Я говорю им: Дорогие мои, будьте добрыми —
оставьте, пожалуйста, меня в покое!

А им, видите ли, до меня нет дела!
Хотим, — орут, — хлеба! Хотим, — кричат, — зрелищ!
Дрянь какая-то в печёнках сидит — так совсем офигела:
Когда ж меня, такую милую, в норочку приоденешь?

Такое впечатление, что у них не все дома!
Они паразитируют — буквально на моей шее:
самопроизвольно устанавливают мне законы,
а сами не соблюдают их совершенно!

У них там постоянная неразбериха:
разруха, ссоры, «откаты», перестановки, дразги!
То всучивают друг другу взятки лихо,
то опять винищем залили все бумаги.

Пойти к врачам, что ли? Но — боюсь!
В поликлинике за лечение вынут душу!
А как без души жить-то? Как скинуть органов груз?
И куда же податься крестьянину с «ненавязчивой»
дружбой?

Боже милостивый, как устал! Ну, пошли мне смерть!
Забери меня, господи, к чёртовой матери!
Нет никаких сил моих терпеть,
просить подачек нищенских на заплёванной паперти.

РАДОСТНАЯ ВЕСНА

Штурмую небо в воздушных струях.
Брожу, как зомби, в гипнозе страсти.
Вся в перегреве ревёт кастрюля,
срывает крышку и рвёт на части.

Неистребимый — как Монтигомо.
Неустрашимый — как Мата Хари.
Весь исшпионен — как Рихард Зорге,
и засекречен — как Рудольф Абель.

Все несерьезны в пороке оргий.
В потоках славы нет места многим.
В лучах оргазма дрожь организмов,
избравших счастье без ленинизма.

Паранормальным нормоморальным,
взметнувшим тело к голгофным раям,
я посвящаю печаль — без края,
тоску — без боли, апрель — без мая.

Мир в суициде резвится с песней,
весь в изобилии одебилен,
цунамовей в мечте прогресса,
ждёт, как мессии, своей цусимы.

Пора на полюс! Пора на звёзды!
Сегодня — рано, а завтра — поздно!
Запашем марсы навозной жижей
и кучу книжек без правды жизни!

ПЯТНИЦАМ О РОБИНЗОНАХ

Вы улыбаетесь загадочно,
надеясь, может, романтически,
что Пятницею быть достаточно
для Робинзона, но практически
все Робинзоны разбазарены,
все острова давно засижены,
все отношения засалены
и денежками явно выражены.

Все айболиты едут в африки,
не «лимпопо» шепча без устали,
а криком исходя за тугрики:
Гоните рублики — и вот вам градусник!
Душою нервной и издёрганной
в самозабвении без сладострастия
я шашку наточу буденную
и шпоры врежу с гиком яростным:

Сарынь на кичку, сивки-мерины!
Слетелась погань за Непрядвою!
Но витязи стоят растерянно
и не желают биться намертво.
Не лебедью — вороной белой
стою, чернея смутным ангелом,
крест на звезду меняя смелую,
пошёл к чертям на быстром катере.

Не стоит упиваться горечью —
без нас всё в мире ополыннено
безмозглою и наглой сволочью,
в веках стоящей пирамидою.

Но уцелеть вообще-то хочется
и не сойти с ума до времени,
и думаешь, зачем пророчества —
и так всё ясно без сомнения...

Вы улыбаетесь загадочно,
надеясь, может, романтически,
что Пятницею быть достаточно
для Робинзона, но практически
все Робинзоны разбазарены,
все острова давно засижены,
все отношения засалены
и денежками явно выражены.

СААДИСТИЧЕСКОЕ

Ты горло срываешь в крик,
скрывая при этом стон.
Зачем ты кричишь, старик?
Зачем ты в неё влюблён?

Ты сто миллионов раз
искал её нежный взгляд.
Тебе не найти Шираз,
как тысячу лет назад.

Твоих кораблей Арал
засох посреди пустынь.
Зачем ты орёшь, марал?
Зачем ты влюблён? Прикинь!

Что можешь ей дать, слепец?
И что она даст в ответ?
Ей нужен такой дворец,
чтоб вздрогнул в отпаде свет!

Ей нужен крутой самец,
и он — не чета тебе!
Ты просто дурак, мудрец!
Ты просто забудь о ней!

Что светит тебе? Звезда?
О, да! Это — светлый рай!
Бродягам еда — вода,
дворец — караван-сарай.

Ты куришь свою траву —
солому сухих степей.
Ты жизнь проживёшь в хлеву,
агонизируя в ней.

Блаженным лежать во рву,
белея среди костей.
Соломинка на ветру —
ты просто забудь о ней!

Ты горло срываешь в крик,
скрывая на сердце боль.
Зачем ты кричишь, старик?
Зачем ты зовёшь любовь?

РЫБА

Вы поразительно красивы
и совершенно равнодушны.
Внутри, возможно, море силы!
Как обнаружить бы снаружи?

Ни «да», ни «нет». Ни чувств, ни страсти.
Подобно рыбе, вы безвольны.
О чём мечтаете? О счастье?
Но нет вам счастья. Нет и боли.

Ни полюбить, ни ненавидеть
вы не умеете. И хватит!
Вас превратил бы в мрамор Фидий.
А я? Я б удавил. С проклятьем.

САМОУВЕРЕННОСТЬ

М. Н.

Я буду биться до последнего дыхания,
надеясь на себя самоуверенно!
Индиifferentно, но о чём пока не знаю я,
когда и где мне точно умереть отмерено.

Не полагаюсь ни на славу, ни на почести,
ни на любовь раскрепощённой женщины,
хотя, по-честному, мне умирать не хочется,
но люди всё-таки, по-прежнему, не вечные.

Вполне спокойно я смотрю на настоящее,
и не страшусь я биться в одиночестве,
покуда есть ещё предательство продажное,
покуда есть ещё во мне хоть капля совести!

СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ

А. П.

Когда тебе станет и скучно, и грустно,
и денег в заначке всего на полмесяца,
и смотришь на женщин без нежного чувства,
и всё надоест, и захочешь повеситься

на первом суку от тоски обжигающей
по-чёрному в баньке лесного хозяйства.
Диагноз поставит бригада товарищей:
Экссесс депрессивности, вызванный пьянством.

Эх, доктор наивный, с таблеткой и шприцем!
Как будто всё вылечишь клизмой резиновой!
Так девочка верит в прекрасного принца,
а принц изменяет ей с Лизкой Заримовой...

Посмотришь на мир в обывательском мусоре —
там нет ничего — кроме евро и доллара,
и высятся пошлости горы Эльбрусами
в болотном спокойствии глупого гонора.

И ляжешь бесполо листком ожидания,
но вес маловат, чтобы чаша терпения
была б перевешена жизненной драмой
и в мозг запечаталась мыслью нетленной.

Есть рельсы и шпалы — на каждую стрелку
лежат штабелями в готовности к раю!
Твой «боинг» летит в перекрестьи прицела.
Когда тебе вставят? Пока что не знаю.

СРЕДА

С.Ш.

Повторяй, как мантру, из книги строчки!
Отдыхай на «лайках» — как на Гаити!
Если пишешь «ё» — так поставь две точки:
вот он — символ битвы, мой добрый витязь!

О, какая сеча идет ударно!
Буревестник реет и гром грохочет,
слов потоки пенятся Ниагарой,
в ломке стрелок стёклышки пучит счётчик.

Без претензий и совершенно трезвый
что-то лью гортензиям на потребу...
И чего-то хочется перерезать,
затянувшись дымом под утро в среду.

СТАЛИНГРАД

О. Я.

Мы окопались на краю,
по-сталинградски сжавши зубы.
Отрядик — мал, но трупов — груды!
Надеюсь, души их в раю.

Ни командиров, ни знамён —
лишь неизбежность вечной битвы,
но быть не хочется убитым,
поскольку только раз живём.

Переметнуться не дано,
друзей погибших предавая,
и если ты дошёл до края,
то этот край и есть твой дом.
Твоё нехитрое бытё —
так — шило-мыло, сигаретки,
да фотография брюнетки,
но здесь пока не до неё.

Здесь всё зависит от тебя —
от хладнокровия в прицеле
и храбрости в неловком теле,
и веры в преданных ребят.
Сомкнулось небо над тобой —
и нет просвета в сером дыме.
И позади — одна Россия,
и не последним будет бой!

На безымянной высоте
и для тебя найдётся место
среди таких же неизвестных
в святой и честной простоте.

Мы окопались на краю,
и нет моста для отступлений,
и даже если бой — последний,
то лучше умереть в бою!

СУДЬБЫ

Жизнь разбивает судьбы,
но те не спешат смириться.
Судьбы желают счастья
и не хотят разбиться.

Судьбы идут под трактор
невыносимой эпохи.
Счастья им кот наплакал,
а им весело, скоморохам!

Люди играют судьбою,
как дети, и не понимают
явления рокового —
ведь судьбы не выбирают.

Мечтают обыкновенно.
Надеются лишь на чудо.
Вскрывают, как реки, вены,
чтобы не быть иудой.

ТАИНСТВЕННЫЕ СВОДЫ

А. В.

Ни скал, ни пропастей: ровней болота нет.
О, здесь не стоит сотрясать природу!
Не то посмотрят — скажут: До чего сомнительный
субъект!
Поэт? Подонок! Постоянно мутит воду.

Мир изменился сильно. Но зачем?
И где, простите, мифы Гесиода
для описания, как насекомыми рулит партийный член
под восхищённые молитвенные оды?

Печаль смешна. Глагол употреблять
становится нелепо и козлобородо,
при этом словоблудье освящается в печать.
Как поглупели те таинственные своды!

А выпить — не с кем. И закуришь — кое-как
под неусыпным полицейским винтокрылом.
Но что поделаешь? Жизнь — маленький пустяк.
Приятный? Да! Пока не дали в рыло.

ТАК СЕБЕ

Е. Ж.

Да, действительно, немного нужно Лене и Серёге,
чтоб не сдохнуть на пороге райских врат, ведущих в ад.
Облегчаясь от идеи, той, что нравится евреям,
облачаясь побелее, не смотрю уже назад.

Никакого нет прогресса, как описывает пресса.
Гаджет занял повсеместно ум в сознании людей.
Заменяя суть любую и возможное раздумье,
в радости своей ликует наш компьютерный злодей.

Два процента населения жрёт тоска недоуменья,
плачут в горьком сожаленьи, веря только в чудеса.
Если вымрут эти люди, их немедля враз забудут,
потому что мысль о чуде — это вам не колбаса.

Вам заметят очень едко: Не расстраивайся, детка!
Если плохо — съешь таблетку, всё пройдёт,
как страшный сон!
Драмы нет! Какие драмы? Посмотри телепрограмму
там расскажут популярно: что и как, и где почём!

Нет возвышенных растений на полях былых сражений!
Пляшут девки без стеснения, заголяя телеса.
Шумно веселится стадо, развлекаясь до упаду.
Что ещё для счастья надо? Плюнь на всё! Comsi comsa!

ТОЛЬКО СЕКС

И. Г.

Только секс! Только секс! Только секс! Поднимает
мужчин из постели!
Даже если мужчина уже и не крекс, и не пекс,
и не фекс.
Пусть пальцами по «клаве» стучит паренёк еле-еле —
он же сказку-мечту воплощает в вполне виртуальный
процесс!

Призывая к грехам содомитски неосторожно,
как же можно пройти мимо разных весёлых вещей?
Президент и премьер, истекая слюной по-бульдोजьи,
заторчали, как удочки, проморгавшие щук и лещей.

Я застыл, словно столб, и лукаво молчу с идиотской
счастливой улыбкой.
Что ещё говорить? На каком языке объяснять?
Паровозик разогнан на гибель какою-то маленькой
пипкой
и колёса стучат — как часы: твою мать, твою мать,
твою мать...

ТЫ НЕ ГРУСТИ ПО ПУСТЯКАМ!

О. Ш.

Ты не грусти по пустякам,
ты улыбнись назло врагам,
даже когда
горе-беда
в дверь постучит.
Махни рукой на все дела,
сожги в душе ненужный хлам
и поскорей
верных друзей
в дом позови.

Хоть денег дома ни гроша —
зато походка хороша!
Нету зато
шубы с манто,
цапек, авто.
А ты нырнёшь, как Жак Кусто,
в метро — тепло, светло, стекло!
Там под землёй
весело всем —
цирк-шапито!

Давай не будем пить кефир!
Давай закатим шумный пир!
Ну-ка, жена,
купим вина,
что нам не жить?
И был не прав поэт Шекспир,

вино — волшебный эликсир,
только оно —
радость богов,
вечная жизнь!

И пусть сегодня не везёт!
И враг на танке у ворот!
И полон рот
разных хлопот —
всё, как всегда!
Ты знаешь, жизнь — не дважды два —
не ловят рыбок без труда,
но иногда
вдруг из пруда
в руки — звезда!

Всё, что случается — только к лучшему!
Можно повеситься — в худшем случае!
Ты ведь не курица — по пустякам не грусти!
Солнце — не лампочка, снова включится!
Должен быть праздник на нашей улице!
Раз прилетела жар-птица — не упusti!

ТРУПОСТИХ

В стихах должна быть жизнь! Иначе они сдохнут!
И лягут телом в книжный морг, как труп!
Филолог вскроет гроб и потечёт под Мохо
в чернеющую щель невозбудимых губ.

Никто не прочитает и не вздрогнет над словами,
хотя так правильно и тщательно подобраны они,
описывая вроде бы по существу, но если прямо —
кого глаголом ты безумно удивил?

Ты так мудрил! Ты так старался! Как старатель!
Расцвечивал, раскрашивал, палил!
Некстати ни один из обывателей не вылез
из кровати
и не пошёл в поход в теснины Фермопил.

ФАНТАЗЁР

Я — буйный фантазёр немеркнущих порталов
цикуту жизни пью, надеясь и смеясь.
Я не ищу любви волшебных идеалов,
но идеалы не затапываю в грязь.

Я — царь и бог в своём безумном мире
и жалкий червячок, затерянный в пыли,
не удивляюсь оргиям вакханок и сатиров
у края пропасти, зияющей вдали.

Эпохи шелестят, как листья, надо мною —
и рокового в них не вижу ни черта!
И человечества, хронически больного,
меня растопчет, не жалея, суета.

Но даже в тот момент, растоптанный и смятый,
не буду я стенать, кляня судьбу свою,
и к господу взывать, как тот, крестом распятый,
которого — как всех, по-своему — люблю.

ХОД КОНЁМ

Какой же ты дурак, Бориска!
К тому ж на женщин шибко падкий —
запал, как дурень, на Алёнку!
Расчётец был, конечно, тонкий
и, безусловно, в чём-то низкий:
телёнок Менелай рыдает,
как гелиосова бурёнка.

Подстава удалась на славу:
Алёнка — молодец-девчонка!
Ну чем не Моника Левински!
Конечно, в Трою путь неблизкий,
но повод есть собрать ораву
и на все сто попить водчонки!
Мой ход конём — и мат, Бориска!

Жаль Ифигению... И фиг с ней!
Ведь не подмажешь — не поедешь!
Религия, все эти боги, —
как героиновы дороги,
не вырваться из ломки жизнью!
Noblesse oblige! И сам поверишь:
в порядке стадо держут строго!

А если кто-то и возникнет —
на Ахиллесов есть Патроклы!
На то они и Ахиллеса,
чтоб за чужие интересы

безмозгло жизнь отдать за Нику,
за друга отомстить (прикольно!)
и лечь под танк с героической песней!

Две башни Трои — символичны:
подарок приамурьев грекам!
Не в первый раз, и не в последний —
развод Приамов и Хуссейнов
замешан с деньгами двулично!
Алёнка знак подаст со стенки —
запалит огонёк заветный.

И мы ворвёмся — как цунами!
И гомерический наш хохот
до ужаса растроит Трою!
И эту Трою мы зароем
многопудовыми веками!
И небо ахеронно вздрогнет,
когда мы свалим всей конторой.

Ф О Б О Г Е Н И Я

Я улыбаюсь и смеюсь —
меня не покидает грусть.

Я плакать не могу при всех —
мне так смешно, что душит смех.

Мне говорят: прекрасен мир,
а он — ужасен, мой вампир!

Где ручеёк, моя любовь,
в котором с рук ты смоешь кровь?

И где, скажите, дивный сад,
где мысли на ветвях висят,

чтоб я, избавленный от них,
навек замолчав, затих?

Мой гений, друг мой дорогой,
ну что за жизнь у нас с тобой?

ЦЕЛОЕ НЕБО СВОБОДЫ

Е. Ж.

Из комяцких лесов на засушливый Крым
села стоя весёлых в нелепости строчек.
Дорогая, я, видно, умру молодым,
потому что стареть не умею нарочно.

Я по-прежнему глуп — занимаюсь не тем,
чем должно заниматься во взрослые лета,
я решаю сто тысяч дурацких проблем —
ни одной нет достойной входного билета.

Я надеюсь, что вы — хороши и милы,
как в окошке забавном на пару с ребёнком,
и вы смотрите в мир взглядом чистым своим,
и я рад, что вдвоём вам не так одиноко!

А когда на ладонь сядет птичка-судьба —
вы налейте воды, дайте крошечку хлеба.
Пусть споёт о любви — ей не стоит труда
и подарит свободы на целое небо!

ЧЁРНЫЙ ПАРУС

Когда увидишь чёрный парус —
не торопись бросаться в море!
Возможно, принесёт он радость,
а не убийственное горе.

Не стоит предаваться скорби,
не всё так в мире беспросветно!
Мы пережили ужас gorby —
переживём ещё не это!

Отчизна мамонтов замёрзших
назло отдельным индивидам
не хочет жить подобно Польше.
Невероятно? Очевидно!

Века свободы не видали,
хоть обладали целым миром.
Теперь свободу вроде дали,
но в кошельке сплошные дыры.

Ведь тот, кто честен — вечно беден
не потому, что он — бездельник,
чей призрак бродит в рыхлой лени,
а потому, что нету денег!

Невыносимо населенью:
то недород, то золотуха,
и населенья сокращенье —
свидетельство потери духа.

Когда увидишь чёрный парус,
не торопись бросаться в море!
Хотя немного нас осталось,
но может и не выйдем скоро?

ЧЁРНЫЕ ПТИЦЫ

Серому небу нет отступления.
Чёрные птицы устало летят.
Без наслаждения, без вдохновения
им возвращаться придётся назад.
Машут размеренно крыльями птицы,
клином врезаются под облака.
На перелёте лето им снится —
было неплохо, но жизнь нелегка!
В грозном пути изменившихся истин,
в свете звезды над моей головой
нет и намёка на тихую пристань,
нет обещаний на тёплый покой.
Мы поднимаемся, падая снова,
что же так тянет нас в тёмную даль?
Может быть, тайна? Может быть, слово?
Может, надежда? А может, печаль?
Воспоминания памяти нервной?
Звуки боёв? Опьянение побед?
Птицы прощаются на зиму с Севером.
Долго, до боли, смотрю я им вслед.

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Извыбелено белым — небелоснежно бело,
извычерное чёрным — невычерно черно.
Рыдает королева, что оказалась девой
в отряде королевском, что есть отстой и дно.

В нём пара генералов весьма диагональна
и пара адмиралов нелепых кораблей,
что плавают налево и плавают направо —
как их учила мама за соль и кровь рублей.

Все кривоноги клячи — любой, кто видит — плачет,
а кто не видит — весел и рад всему подряд.
Вперёд, солдат удачи! И ничего не значит,
что отступать приказа не будет для тебя.

Не помнишь где родился — поймёшь,
 что расплатился,
когда сосновый гробик возьмёт сыра земля.
Ну, а король без мата живёт себе богато,
пока его солдаты идут за короля.

А если доскребёшься до линии заветной,
прорвёшь кордон системы, прорубишься в окно,
то станешь королевой — единственную девою
и королевской дыркой, и королевским дном.

ЯНДЕКС

Ю. А.

В Гунибе, построенном в вашем волнении,
вы вряд ли найдете обломки Каргебиля,
буквально — на зоологическом дереве
жучков-короедов вы ищите в мебели.

Давайте разложим по буквочкам-полочкам
торчащее творчество унифицируя!
А если не ляжет в прокрустово — сволочью
объявим и напрочь дисквалифицируем!

Что в глазиках шариков невразумительных,
созданиях выхлопов углекислотистых?
И что мне на яндексе чахлорастительном,
обгугленном аброкодабренной пошлостью?

Дорожка проторена тьмой многоноговой:
идите по ссылкам — как компасы к полюсу,
к тюремному корпусу с каторгой мозговой,
в кабальные дебри на поиски космоса!

СОДЕРЖАНИЕ

Апокриф	3	Интеллигенция	39
Апофеоз	4	Исключительно поэтесское	40
Арахна интернета	5	Квинтэссенция	41
Архитектура	6	Кенгуру	42
Бабло	8	Когда я мечтаю	43
Бдящим	9	Красная площадь	44
Берег	10	Кремлёвская башня	45
Блюз дождей	11	Критичное	46
В Трою	12	Куликово поле	48
Весна	13	Летнее время	49
Вечерний визит к господину А	14	Лженаука	50
Военная песня	16	Листочек в клеточку	52
Восток	17	Литературный вокзал	54
Время на место расставит всё	18	Лиnor	56
Горечь	19	Ложность	57
Дальние берега	20	Лунные лунки	58
Дальше	21	Маленький остров	59
Дворцовая любовь	22	Мечты и слова	60
День и ночь	23	Мой враг	61
День рождения дизайнера	24	Мост без берегов	62
Джунгли	26	Монументальность	64
Джентльмен удачи	28	Наивное	65
Должно быть теплей	29	Нас не любит никто!	66
Доминантные самцы	30	Нежность	68
Дядя Ваня	31	Непедагогическое	70
Единственная женщина	32	Ночь	72
Звезда	33	Он был не тем	73
Зимнее	34	Оптом и в розницу	74
Змеюшничек	35	Осень	75
Инверсия равновесия	36	Отвальная	76
Игра	38	Палестина	77
		Патрициям	78
		Первоклассное	79

Перезагрузка	80	Саадиристическое	102
Песенка о патриотическом пьянстве	81	Рыба	104
Песенка про Вавилонскую башню	82	Самоуверенность	105
Письмо Серого волка Ивану-царевичу	84	Семьсот семьдесят семь....	106
По трубам	86	Среда	107
По тёмной реке	88	Сталинград.....	108
Повод или свойство	89	Судьбы	110
Поезда	90	Таинственные своды	111
Подводная лодка	92	Так себе	112
Пожалуйста!.....	93	Только секс	113
Поэт в России	94	Ты не грусти по пустякам! .	114
Правильная жизнь	95	Трупостих	116
Просто жизнь	96	Фантазёр	117
Проблема с внутренними органами	98	Ход конём	118
Радостная весна	99	Фобогения	120
Пятницам о Робинзонах ...	100	Целое небо свободы	121
		Чёрный парус	122
		Чёрные птицы	124
		Шахматная партия	125
		Яндекс	126

Лит.-худ. издание. *Лабытнанги. КРАСНЫЙ АЛЬБОМ*

Верстальщик *Н.А.Вознесенский*

Корректор *А.В.Бульченко*

Подписано в печать 21.12.18. Формат 125 × 200 мм. 3,48 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru. Отпечатано в ООО «ИПФ „Реноме“». 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел.: (812) 766-05-66. www.renomespb.ru

